РАЗСКАЗЫ В. И. ДАЛЯ
О ВРЕМЕНАХЪ ПАВЛА I.

1) Отецъ мой служилъ въ Гатчинѣ при вел. кн. Павлѣ Петровичѣ, оставилъ мѣсто это по непріятностямъ, о коихъ никогда не говорилъ мнѣ, но о личности вел. князя, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій случай. Въ Гатчинѣ стоялъ одинъ изъ конныхъ полковъ, и вел. кн. ежедневно бывалъ на разводѣ и ученьяхъ.

Маіоръ Фрейгангъ, по какому–то недоразуменію, опоздалъ къ разводу. Вел. кн. встрѣтилъ его такъ, что тотъ, просидѣвъ нѣсколько минутъ передъ нимъ молча, съ опущеннымъ палашемъ, на сѣдлѣ, вдругъ свалился, какъ снопъ, наземь. Вел. кн. требовалъ отъ врача, отца моего, ежедневно по два раза, устнаго донесенія о положеніи пораженнаго ударомъ, и призвалъ тотчасъ къ себѣ оправившагося больнаго. Встрѣтивъ его, подавъ ему ласково руку и посадивъ его, вел. кн. спросилъ по–нѣмецки:

— "Bin ich ein Mensch (человѣкъ–ли я?)" и на молчаніе Фрейганга повторилъ свой вопросъ, а на отвѣтъ: да, продолжалъ:

— "So kann ich auch irren (тогда я могу и ошибиться)!"

И далѣе: "Sind Sie Mensch" (и вы человѣкъ?) — "Человѣкъ,
в. и. высочество".

— Dann können sie auch verzeihen (тогда вы, конечно, умѣете прощать)!" и обнялъ его.

2) Генералъ Сапожниковъ передалъ мнѣ слышанное имъ лично отъ извѣстнаго генерала Яхонтова, бывшаго пажемъ при дворѣ.

Императоръ жилъ лѣтомъ въ Гатчинѣ, въ весьма тѣсномъ дворцѣ, стоящемъ полукругомъ на площади. Государь обѣдалъ рано и обычно садился послѣ этого въ большія кресла, прямо противъ растворенныхъ на балконъ дверей и отдыхалъ. Объ эту пору вся Гатчина замирала въ молчаніи; махальные отъ дворцоваго караула выставлялись по улицамъ, ведущимъ на площадь, ѣзды по

городу не было. Въ такую–то пору шелъ по направленію ко дворцу пажъ Яхонтовъ и, пройдя тихонько по стѣнкѣ до того мѣста, гдѣ внизу во дворцѣ жили фрейлины, вздумалъ пошалить: вскочивъ на подстѣнокъ, онъ приплющилъ лицо къ оконницѣ, оградившись съ боковъ отъ солнца ладонями и раскланиваясь съ коротко знакомыми ему дѣвицами, началъ корчить рожи, чтобы ихъ разсмѣшить. Тѣ, зная общую слабость свою, съ трудомъ удерживаясь отъ хохота, стали отгонять его знаками, указывая наверхъ и объясняя приложеніемъ руки къ наклоненной головѣ, что государь отдыхаетъ. Пажъ или камеръ–пажъ, видно не расположенъ былъ кончить этимъ шалость свою, и внезапно, во все безумное горло свое, пустилъ сигналъ: "слу–ша–ай!" Соскочивъ съ подстенка, онъ тихо и быстро побѣжалъ далѣе, выбрался съ площади на улицу, и былъ таковъ. Можно себѣ представить, какая тревога поднялась во дворцѣ, когда это сумасбродное слушай, среди бѣлаго дня, раздалось подъ растворенным балкономъ

отдыхавшаго государя! Императоръ вскочилъ и позвонилъ: "кто кричалъ слушай?" спросилъ онъ внѣ себя, но съ видимымъ наружнымъ покоемъ. Вошедшій поспѣшилъ выскочить и бросился опрометью внизъ къ караульнѣ. Второй звонокъ — "кто кричалъ слушай?" и этотъ адъютантъ или ординарецъ, не знаю, едва успѣлъ добѣжать до лѣстницы, какъ сильный звонъ заставилъ спѣшно войти всѣхъ бывшихъ на лицо въ передней. — "Кто кричалъ слушай?" Голосъ, коимъ сдѣланъ этотъ вопросъ, былъ знакомъ всѣмъ близкимъ: очевидно, терпѣніе императора истощилось. У караульни шла переборка — комендантъ, плацмаіоръ, дежурный по карауламъ, караульный капитанъ, весь караулъ у сошекъ — а виноватаго нѣтъ, никто ничего не знаетъ. Воротившіеся изъ посылки въ страхѣ стоятъ въ передней, глядятъ другъ на друга, никто не знаетъ, что дѣлать. Еще звонокъ и тотъ же вопросъ: "кто кричалъ слушай?" встрѣчаетъ опрометью кинувшихся въ покои чуть не на порогѣ. Коменданта и весь

причтъ его давно уже дрожь пробрала до костей; онъ кидается на колѣни передъ карауломъ и умоляетъ солдатъ: "братцы, спасите, возьми кто–нибудь на себя, мы умилостивимъ послѣ государя, не бойтесь, отстоимъ, онъ добръ, сердце отляжетъ".

Гвардеецъ выходить изъ фронту и говорить смѣло: "я кричалъ, виноватъ". Чуть не на рукахъ внесли его въ государеву пріемную и напередъ уже, бѣгомъ, успѣли объявить императору, что нашли виноватаго, нашли!

Услыхавъ слово это, государь спокойно сѣлъ опять въ свои кресла и велѣлъ позвать его. Солдатъ вошелъ подъ весьма почетнымъ конвоемъ, и сталъ передъ государемъ, который, поглядѣвъ на него молча долго и пристально, спросилъ:

— "Ты кричалъ слушай?"

— Я кричалъ, ваше императорское величество!

— "Какой у него славный голосъ! въ унтеръ–офицеры его, и сто рублей за потѣху".

3) Въ одномъ изъ ежедневныхъ приказовъ по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время, конецъ прошлаго вѣка — писарь расчеркнулся, такъ, что когда писалъ: "прапорщики–жъ такіе–то въ подпоручики", то перенесъ на другую строку небывалое словцо "Кижъ", начавъ его еще съ прописной, размашистой буквы. Пробѣгая наскоро приказъ этотъ, императоръ принялъ словцо это, съ прописною буквою, за коимъ слѣдовали прозванія, также за прозваніе одного изъ производимыхъ, и написалъ тутъ–же: "подпоручикъ Кижъ въ поручики". На другой день, подпоручикъ Кижъ произведенъ былъ въ штабсъ–капитаны, а на третій, подписывая приказъ, государь написалъ противъ него: "въ капитаны". И это сдѣлано. Никто не успѣлъ оглянуться, ни опомниться, какъ Кижъ произведенъ былъ въ полковники, съ отмѣткой: "вызвать сейчасъ ко мнѣ". Тогда только бросились по приказамъ, гдѣ этотъ Кижъ? Онъ оказался въ какомъ–то Азовскомъ или

Апшеронскомъ полку, гдѣ–то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакалъ за нимъ. Можно вообразить изумленіе полковаго командира, до котораго еще не успѣлъ дойти обычнымъ порядкомъ первый приказъ, о производствѣ прапорщика Кижа, какъ привезенъ былъ уже съ фельдъегеремъ послѣдній, о производствѣ его въ полковники, и когда, сверхъ сего, полковой командиръ не могъ понять, о чемъ и о комъ идетъ рѣчь, потому что въ полку его никогда никакого Кижа не было. Есть же на свѣтѣ Чижъ, подумалъ полковникъ, почему бы не быть и Кижу, но только не въ этомъ полку". Фельдъегерь подавно ничего не могъ тутъ объяснить и поскакалъ, едва перекусивъ, обратно.

Донесеніе полковника, что въ полку его Кижа нѣтъ и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцеляріи ихъ. Бросились слѣдить по приказамъ, и наконецъ, бѣдственный первый приказъ, о производствѣ Кижа въ подпоручики, разъяснилъ дѣло. Между тѣмъ, государь уже спрашивалъ, не прибылъ–ли

полковникъ Кижъ – вѣроятно желая съ нетерпѣніемъ поздравить его генераломъ. Рѣшились доложить государю, что Кижъ умеръ.

– "Жаль, сказалъ императоръ – былъ хорошій офицеръ...."

Москва, 15–го іюня 1870 г. Сообщ.

В. И. ДАЛЬ.